

Статья посвящена семиологическим аспектам визуальной репрезентации города, ее историческим и актуальным культурно-смысловым детерминантам. На примере Москвы рассматривается феномен воспроизводства средневекового образа невидимого города в системе градостроительных, социальных и политико-символических практик.

Ключевые слова: город, визуальный дискурс, средневековье, пространство, радиально-кольцевая планировка, вертикаль, власть, репрезентация. /

The article touches upon semiological aspects of the city visual representation, its historical and current cultural and semantic determinants. Through the example of Moscow, it studies the phenomenon of reproduction of the medieval image of an invisible city in the system of town-planning, social and political-symbolic practices.

Keywords: city; visual discourse; Middle Ages; space; radial-circular plan; vertical; power; representation.

Невидимая Москва. К проблеме города как визуального дискурса / Invisible Moscow. The issue of a city as a visual discourse

текст
Леонид Салмин /
text
Leonid Salmin

Нижеследующий текст – фрагмент более широкого семиологического исследования, посвященного автором теме города как визуального дискурса. В этом фрагменте речь пойдет о Москве, которая, вероятно, острее, чем многие другие города, сталкивается с проблемой сложности и многообразия архитектурно-урбанистических, социокультурных, политических, психологических, эстетических и прочих практик визуальной саморепрезентации, а потому представляет особый интерес в контексте разговора о городе – видимом и невидимом.

В современном мире мегаполисы, выступающие опорными элементами в структурах планетарного цивилизационного ландшафта, всеми силами стремятся сделать себя максимально видимыми, открытыми, визуализированными. Огромные материальные, технические, информационные и организационные ресурсы употребляются ими на то, чтобы сформировать зримый образ дружелюбного, безопасного, привлекательного города. В силу многих причин успехи городов в этом процессе различны. Но при всех различиях ценность открытости, оптической «прозрачности» уже стала универсальным критерием оценки качества городской среды и городской жизни.

Столица России, безусловно, тоже претендует на место в неформальном «почетном клубе» мировых городов. Однако Москва, как никакой другой российский город стремящаяся быть видимой, самым драматическим образом продолжает оставаться невидимой. Проблема невидимости Москвы заключается в глубочайшем анахронизме ее по сей день средневекового пространства. О средневековом характере Москвы писали многие исследователи. В данном случае интерес представляет то, как «средневековость» Москвы детерминирует ее сегодняшнюю невидимость. Разумеется, есть множество городов, сохранивших черты средневековой планировки. И дело вовсе не в том, что сама по себе унаследованная средневековая структура пространства мешает историческому городу быть видимым. Причина невидимости – в геополитической практике самопозиционирования города и в соответствующей символической актуализации доставшейся ему пространственной структуры. Москва фактически не имеет иного опыта пространственно-сим-

волического развития, кроме феодального. В то время как в городах Европы уже с XVI века происходят мощные градостроительные реконструкции, отвечающие интересам грядущего буржуазного урбанистического уклада, Москва из века в век воспроизводит средневековые формы и смыслы устройства городского пространства, опоясывая и замыкая себя все новыми и новыми валами и кольцами. Кольца Москвы – не просто инерция средневековой градостроительной структуры: это неизменно актуальные защитные стены, своего рода «подушки безопасности», оберегающие ее от всей остальной страны, от набегов лихоимцев-соотечественников всех времен, начиная с враждебных князей-соседей и кончая всеми видами современных «понаехавших».

На первый взгляд, мысль о сегодняшней невидимости Москвы может показаться натяжкой. Ведь в последние 15–20 лет все, казалось бы, свидетельствует об обратном: город прирастает населением и территориально приумножает свои и без того многочисленные столичные функции, переживает бум беспрецедентного по масштабам строительства, да к тому же круглосуточно презентует себя вовне с помощью всех возможных каналов трансляции визуальных образов. Однако дело в том, что для города, являющегося столицей страны (тем более такой огромной, как Россия), проблема видимости–невидимости разрешается не в локальном пространстве окружающей губернской территории. Для столицы важны не столько реальные видовые картины, открывающиеся в пределах ближнего зрительного восприятия, сколько символические визуальные образы города, видимые населению страны за тысячи километров от столичных административных границ.

Образ Москвы, видимый стране и миру – это, прежде всего, образ вечно круглящегося, замкнутого пространства, в котором сосредоточена функция власти над гигантской территорией России и львиная доля всего движимого богатства страны. Опоясывающие территорию Москвы кольца (от древних земляных валов до сегодняшних окружных транспортных магистралей) – трансвременной символ удержания власти и собственности, символ сокрытия их от любого внешнего взгляда и потенциально возможного посягательства. Историческое

^ Вавилонская башня в живописной версии Питера Брейгеля (1563) довольно приземиста. И хотя ее верх достигает облаков, общие пропорции уже построенной части сооружения говорят о том, что Бог вмешался в амбициозные планы строителей где-то на уровне седьмого этажа и прекратил вакханалию людского самомнения уже на довольно ранней стадии. [Электронный ресурс] <http://diletant.media/articles/30171786/>

^ Вавилонская башня в гравюрном изображении XVII века (иллюстрация из книги немецкого ученого иезуита Атанасиуса Кирхера) имеет ощутимо вертикальные пропорции. Следуя библейскому сюжету, она не достроена, но в сравнении с более ранней иконографией она все же явно «подросла». [Электронный ресурс] <http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/kircher1679/0059>

^ Проект Дворца Советов, ощутимо наследующий иконографическую традицию, являет взору, вероятно, первый в истории образец полностью достроенной Вавилонской башни. В доказательство своего безоговорочного возвышения и обожествления земной вождь достигает до облаков. [Электронный ресурс] <https://stroj.mos.ru/unikalnaya-arhitektura/moskva/hram-hrista-spasitelja>

укрупнение колец отражает неизбежность территориального расплывания средневекового организма, для которого замкнутость и удержание веками остаются неизблемыми ценностями существования, подобно тому как хронически толстеющий от обжорства, страдающий запорами и задыхающийся от собственной массы человек вынужден обзаводиться одеждой все большего размера и проделывать в брючном ремне дырочку за дырочкой.

Сохраняющаяся по сей день направленность Москвы на самое себя – следствие ее глубинного средневеково-феодального генокода. Невзирая на внешне различные социально-политические состояния городского организма на разных этапах московской истории, русская столица и в наши дни продолжает следовать стратегии созерцаема в вассальных отношениях с окружающими феодами. При этом не должен вводить в заблуждение тот факт, что феоды (малые, большие и тем более крупные, чем далее от Москвы они находятся) именуются «субъектами федерации», а присягнувшие феодалы – губернаторами, пусть в каких-то случаях даже и выборными. Важно воспроизводство структурных особенностей городского организма под колоссальным влиянием генетической программы.

Понять сегодняшнюю проблему невидимости Москвы можно лишь, заглянув вглубь истории, в самое начало, в историческую точку происхождения города. С момента образования во второй половине XI века крошечного по нынешним меркам поселения на Боровицком холме – будущего Кремля – властители Москвы постоянно решали одну и ту же задачу: как наиболее эффективно оградиться от внешних угроз, то есть сделать город невидимым. В разное время угрозами ми этими становились то склочные соседи-князья, то монголо-татары, то чума, то французы, то шлоны голодных командировочных со всей страны, с золотоордынским размахом опустошавших прилавки продовольственных магазинов города-героя. В московском генокоде понятия «город» и «огород» идентичны и неразрывны исторически. И князь Юрий Долгорукий, который в 1156 году «заложил град Москву» (то есть слегка расширил ограду своей махонькой крепости), и Иван Калита, что два века спустя построил «град Москов дубов» (новый «огород» из аршинных в ди-

аметре дубовых бревен), и наш современник, приснопамятный мэтр Юрий Михайлович Лужков, реконструировавший дорожные кольца столицы, по сути, реализовывали общую, непрерывную генетическую программу оборонительного округления московского пространства при неизбежном экстенсивном росте территории. В сущности, это и есть классический вариант развития средневекового города: всегда сжатое охранительным периметром урбанистическое тело, лишенное возможности нормального метаболизма, ширится до необъятных размеров, тяжелеет и, в конце концов, мучительно деградирует под давлением собственных внутренних процессов.

Заметим, что сегодня, как и прежде, ни один из радиальных векторов Москвы не имеет того символического значения, какое имеют ее кольца. Московская кольцевая автодорога (МКАД), образующая современный «крепостной» периметр столицы, стала нынче главной линией ее девизуализации. Относительно Москвы остальная Россия – это слепое, фольклорное «Замкадье», суть которого весьма точно выражена в известном шуточном вопросе: «Есть ли жизнь за МКАДом?». Охраняемый приоритет колец по отношению к радиусам имеет принципиальное символическое значение. Радиусы – символы внешних, горизонтальных связей Москвы, а значит, символы не только притока, но и возможного оттока власти, собственности, энергии, человеческих и разных прочих ресурсов. Поэтому кольца как символы удержания всегда были для Москвы символически важнее.

В свое время идеолог советского архитектурного рационализма Николай Александрович Ладовский предложил концепцию развития Москвы (1932) на основе параболы, разрывающей кольцевую структуру столичного плана в тверском направлении (в сторону Ленинграда–Петербурга). Понимая, что возможности средневековой радиально-кольцевой структуры исчерпаны, Ладовский выдвинул идею динамического вектора, определяющего открытость и движение города в сторону прежней, северной столицы с перспективой соединения в крупнейшую российскую агломерацию. В проекте «параболы Ладовского» Москва представляла своеобразным урбанистическим порталом, открытым на запад. В таком контексте естественно возникал семиологический вопрос о прагматике

^ По проекту башня «Россия» должна была стать самым высоким зданием в Европе и через свое высотное доминирование обрести статус современной Axis mundi.
[Электронный ресурс] https://varlamov.ru/1603146.html?page=6&cut_expand=1

^ Знаменитый план Москвы, приведенный в книге «Описание путешествия Адама Олеария в Московию» интересен тем, что он зафиксировал образ города, сконструированный под влиянием не только более ранних планов, но и непосредственных визуальных впечатлений. Будучи придворным математиком герцога голштинского, Олеарий в 1633 году с чисто немецкой дотошностью запечатлевает все значимые, на взгляд путешественника, особенности устройства московского пространства. [Электронный ресурс] http://wp.wiki-wiki.ru/wp/index.php/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:1638_moscow_Oleariy.jpg

> На этом ночном виде башни «Россия» вертикаль ее твердого тела (высокого, но все же не вполне «достающего до неба») достроена бесплотными (но зрительно впечатляющими) столпами света прожекторов. Таким образом, мы видим, на какой высоте от земли архитектурно-строительные средства визуализации «вавилонского сценария» заменяются световой материей. [Электронный ресурс] <https://yandex.ru/collections>

видимости: если городу задается конкретный ракурс его видимости (как географический, так и политический), то кому именно Москва должна реально открыться, для кого она должна стать реально видимой? Ответ – «Ни для кого!» – последовал уже в ходе разработки и принятия в 1935 году сталинского плана реконструкции Москвы, который зафиксировал незыблемость радиально-кольцевой планировки, предложив «разгрузить» внутреннее пространство новыми улицами, напрямую связывающими между собой периферийные районы. Ладовскому, восемь десятилетий назад предчувствовавшему неизбежность того коллапса московского пространственного организма, который мы наблюдаем сегодня, не суждено было стать Ленотром при дворе Иосифа Сталина.

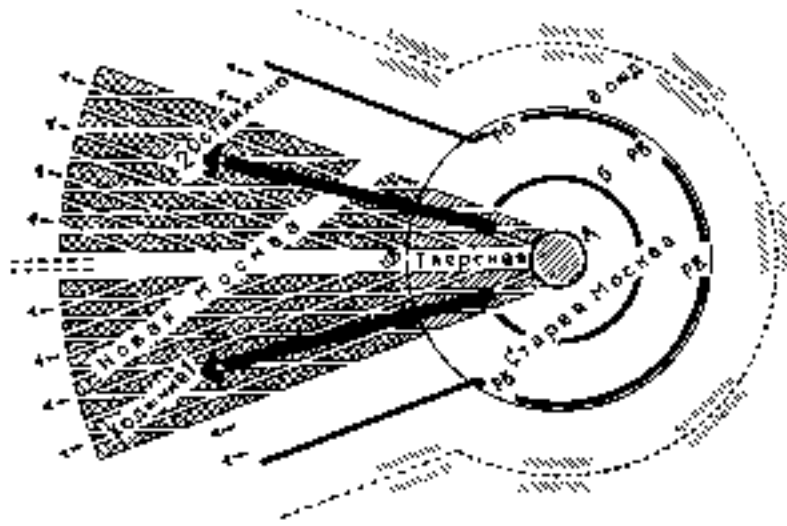
Всякий средневековый город, опоясанный кольцами защитных укреплений, имеет в центре своего внутреннего пространства развитые вертикали, обеспечивающие как сакральные функции отношений с высшим миром и символизм властного доминирования, так и оборонительные функции удержания контроля над окружающей территорией. Невидимый за стенами город сохраняет способность видеть внешний мир, осознаваемый как враждебный, полный угроз. Москва, разросшаяся в своей кольцевой замкнутости до невероятных размеров и вынужденная контролировать окружающую территорию от западных границ до берегов Тихого океана, стремится создать вертикаль, соразмерную циклопическому горизонтальному масштабу объекта властного контроля.

Надзор за шестой частью земной суши – задача нечеловеческого, поистине божественного размаха. Посему в попытках создания условий, необходимых для ее решения, со всей силой древней мифологической матрицы актуализуется архетип Вавилонского столпотворения. Речь уже не о завоевании наивысшей точки визуального контроля, а о достижении уровня богоравности, гарантирующей способность всеохватного, всепроникающего, перманентного сверхвидения.

Впервые этот архаический библейский сценарий был с удивительной точностью воспроизведен во второй половине тридцатых годов прошлого века в истории проектирования и строительства в Москве самого циклопического сооружения советской эпохи – Дворца Советов.

^ План Москвы 1825 года неизменно сохраняет средневековую радиально-кольцевую структуру. [Электронный ресурс] <http://testan.narod.ru/moscow/maps/karty34.htm>

^ Проект развития Москвы, предложенный Ладовским. Его обреченность остаться проектом читается в совершенно неприемлемой для кремлевской власти устремленности московского урбанистического пространства навстречу прежней, дореволюционной (и на тот момент уже вполне опальной) столице. [Электронный ресурс] <http://tehne.com/event/arhivsyachina/arhitektura-sssr-1917-1932-gradostritelstvo>

Разработанный в русле сталинского плана реконструкции Москвы (1935 г.) и победивший в конкурсе проект архитектора Бориса Иофана предполагал строительство гигантской башни Дворца Советов на месте разрушенного Храма Христа Спасителя. Дворец должен был сделать Москву самым видимым городом на свете. По сути, это означало, что взамен сформулированной в начале XVI века монахом Филофеем концепции «Москва – третий Рим» бессознательно выдвигалась концепция «Москва – истинный Град Небесный». Разумеется, смысл проекта оформлялся в большевистской риторике, отрицающей ассоциации с библейскими архетипами, однако весь ход событий воспроизводил сценарий Вавилонского столпотворения. Сначала сталинская Москва отвергает Небесный Иерусалим в образе Храма Христа Спасителя путем его разрушения, то есть физической девизуализации. Затем создается образ нового храма, архитектура которого призвана зримо выразить идею всемирно-исторического возвышения земного царства большевиков. При этом в образе Дворца Советов обнаруживаются очевидные соответствия иконографической традиции изображения Вавилонской башни, с той лишь разницей, что, в отличие от ее прежних визуализаций, столп победившего сталинизма имеет завершение: он увенчан гигантской фигурой Ленина, главного идола режима.

История, однако же, распорядилась так, что в полном соответствии с библейским предначертанием Дворец Советов (эта Вавилонская башня XX века) так никогда и не был построен. Он не стал видимым, не обрел физического тела. Его образ сохранился лишь в слове и в изображении.

Уже в наши дни на пике лужковских преобразований архитектурного облика Москвы случилась очередная реанимация сюжета Вавилонского столпотворения, очевидно вторящая истории Дворца Советов. На этот раз британец Норман Фостер спроектировал для первопрестольной грандиозную башню «Россия». Ее 612-метровая вертикаль должна была проткнуть небо в районе комплекса Москва-сити. «Остолбеневшая» российская столица вновь визуализировалась в образе нового Вавилона. И вновь визуализация случилась лишь на картинках. В 2009 году было принято решение отказаться

от реализации непосильного мегапроекта. Как и Дворец Советов, башня «Россия» не обрела физического тела и не сделала Москву более видимым городом, лишний раз доказав, что в контексте визуальных практик современного российского мегаполиса «вавилонский» сценарий является абсолютно архаическим комплексом.

Как видно на примерах истории строительства Дворца Советов и башни «Россия», невозможность реализовать «вавилонский» сценарий, то есть построить наблюдательную каланчу, с высоты которой можно было бы физически дослать взором границы державы, вызывает к жизни виртуальный образ «Вертикали власти». Такая вертикаль рождена категорическим нежеланием развивать горизонталь, всегда чреватые возможностью реального перераспределения ресурсов в наземном пространстве и вызывающие своеобразный «страх кастрации» власти. От колокольни Ивана Великого до семи послевоенных сталинских высоток, а от них, в свою очередь, – до небоскребов Москва-сити тянется извечное желание показать миру из-за ограды огромную фаллическую (сакральную, экономическую, финансовую, властную) вертикаль. Без такой вертикали город средневековья не мог быть одновременно видимым и невидимым, как того требовали внешние условия его жизни. Для сегодняшней Москвы ее вертикали – тщеславные рудименты средневековья, не особенно влияющие на открытость столицы и не делающие ее более видимой. «Иван Великий» с окончания надстройки в 1600 году вплоть до начала XVIII века оставался самой высокой и, в масштабе тогдашней территории города, действительно самой значимой вертикалью московского пространства. В сравнении с ней сегодняшние высотные сооружения, соотнесенные с общей протяженностью реального городского тела, предстают не столько значимыми урбанистическими символами современного мегаполиса, сколько архитектурной ботвой на неизменно средневековом московском огороде.

Москва – единственный город Европы, в котором резиденция власти, как и восемь веков назад, сосредоточена в пространстве, отделенном от города и страны крепостной стеной. Кремль – единственная на территории Старого Света средневековая крепость, сохранившаяся в своей изначальной функции (быть защищенной от посто-

< Московские митинги оппозиции, проходившие на Болотной площади и на Проспекте Сахарова в конце 2011 – начале 2012 года были зафиксированы с высоты птичьего полета. Этот взгляд на происходившее, мгновенно распространенный через социальные сети, позволил увидеть всему миру традиционно невидимую Москву. [Электронный ресурс] <http://loveopium.ru/news/miting-na-bolotnoj-ploshhadi.html>

ронного глаза цитаделью власти). И если в визуальном дискурсе феодального прошлого кремлевская стена выступала символом противостояния Москвы внешним врагам, то сегодня она стала символом непрозрачности власти для избирающего ее населения страны. Продолжая оставаться невидимыми за крепостной стеной, обитатели Кремля (изначального огорода) символически противопоставляют себя абсолютно всем, кто снаружи. В масштабе страны это оформляется в виде картины отношений Москвы и «Замкадьи». Выключенная из реального визуального ландшафта страны, Москва являет себя миру виртуально – через вертикаль власти, единственным каналом визуальной репрезентации которой является телевидение. В этом смысле воистину главной символической и функциональной вертикалью Москвы выступает Останкинская телебашня – этот гигантский инъекционный шприц столицы.

В мифопоэтической конструкции московского пространства жизнью города и лежащей за его пределами страны управляет властелин колец, точнее, самого малого кольца – Кремля, от которого, как от брошенного в воду камня, кругами расходятся в ландшафте и в истории все более и более крупные кольца. Горизонтальная непроницаемость окольцованного московского пространства (как в случае с обороняющимся средневековым городом) резко повышает ценность вида с высоты птичьего полета, ибо только вид сверху позволяет понять, что же происходит в городе и за его пределами на самом деле. Наличие в наши дни богатых технических возможностей обеспечения и фиксации такого всеохватного взгляда вызывает неодолимый соблазн его властной монополизации. И в этом актуализуется средневеково-феодалная природа Москвы. Мифологическая «Вертикаль власти» всеми силами стремится узурпировать право на взгляд сверху, не понимая, что в XXI веке вид города и мира, открывающийся с высоты небес – эта вожденная ценность средневековья – доступен любому из миллионов и миллионов горожан.

Сегодня особенно понятно, что на историческом повороте, когда изменившиеся в своем самоопределении города Европы начали энергично преодолевать тесноту прежних средневековых одежд, разрезая их новыми про-

странственными перспективами, а в России евроориентированный государь Петр Алексеевич разлиновывал на чухонских болотах новую столицу государства, Москва, невзирая ни на что, продолжила средневековый сценарий методичного «окукливания», результаты которого мы наблюдаем сегодня.

> Один из наиболее ярких образов невидимой Москвы – столичное метро. Схема развития Московского метрополитена до 2100 года представляет кольцо как вневременной идеал формы городского пространства. [Электронный ресурс] <http://mosday.ru/forum/viewtopic.php?t=860>